

ДВЕ ЖИЗНИ СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКА: К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А.Л. Козырев, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Статья рассматривает французского поэта и драматурга Сирано де Бержерака как реального человека и литературного персонажа. Сопоставляются факты жизни реального Сирано и сюжет пьесы Эдмона Ростана. Оценивается вклад в литературу и науку.

Ключевые слова: Сирано де Бержерак, Эдмон Ростан, прототип, литературный персонаж, классицизм.

*«Прохожий, стой! Здесь похоронен тот,
Кто прожил жизнь вне всех житейских правил.
Он музыкантом был, но не оставил нот.
Он был философом, но книг он не оставил.
Он астрономом был, но где-то в небе звездном
Затерян навсегда его ученый след.
Он был поэтом, но поэм не создал!..
Но жизнь свою... он прожил, как поэт!»*

Перевод В. Соловьёва

В пушкинской речи, произнесённой 8 июня 1880 года, Ф.М. Достоевский отмечал, что «способность всемирной отзывчивости и гениальнейшего перевоплощения в гении чужих наций» – это «характернейшая» черта русского художественного гения [8]. Поскольку литература – это способ выражения целой системы нравственных идеалов и духовных ценностей определённого народа, именно через её изучение и понимание возможны межкультурный диалог и постижение иного художественного мироощущения.

Русская переводческая школа имеет многолетнюю историю и традиции. Первые переводы делались с немецкого и французского языков, получивших распространение после Петра I. Именно с французского переложения в середине XVIII века А.П. Сумароковым впервые

был выполнен перевод «Гамлета», правда, перенесённый на российские реалии и мало сохранивший дух Шекспира. Чуть позже, при Екатерине II, началось освоение английской поэзии «на русской почве».

Передать иноязычный текст доступными средствами родного языка, при этом сохранив основные культурные коды и определённые реалии времени – вот непростая задача переводчика. Отдельного разговора заслуживают критерии поэтического перевода. Как справедливо заметил Н.С. Гумилёв, переводчик должен и сам быть поэтом, и в русской литературе найдётся немало примеров этому. Это и М.И. Цветаева, и В.А. Жуковский, и даже А.С. Пушкин, чей «Пир во время чумы» – перевод фрагмента пьесы Джона Вильсона «Чумной город» 1655 года.

Следует ли переводить стихи прозой или в итоге должен получиться новый по-

этический текст, принадлежит ли он по-прежнему культуре автора или теперь он уже достояние культуры переводчика, чьё авторство следует ему приписать – вот лишь несколько переводческих парадоксов, о которых писали и Томас Сэйвори, и многие другие лингвисты и литературоведы. Как бы там ни было, возвращаясь к мысли Достоевского, распространим её не только на гений Пушкина и особенность русской культуры, но и, в том числе, на отечественную переводческую школу, которой удалось открыть читателю многих зарубежных авторов.

«Все его знают, но никто его не читал», – такими словами издатель Поль Лакруа предварял сочинения поэта, драматурга и философа Сирано де Бержерака, вышедшие в 1858 году. В самом деле, много ли найдётся людей, способных процитировать нашего героя или хотя бы перечислить названия его произведений? Судьба отвела Сирано не так много – всего 36 лет. Зато он обрёл вторую, новую жизнь в литературе, воскреснув на страницах пьесы Эдмона Ростана. С этих двух точек зрения – реальной и литературной – мы и попытаемся рассмотреть его в данной статье.

27 декабря 1897 года в парижском театре Порт-Сен-Мартен состоялась

премьера спектакля «Сирано де Бержерак». И хотя произведения Ростана ставились на сцене и до этого, именно эта пьеса прославила его, затмив собою всё, что было создано им ранее. Успех был настолько ошеломительным, что вызвал интерес не только к автору, но и к его герою, вернее, к его реальному прототипу. Справедливости ради отметим, что в последнее время и сам Ростан становится персонажем – не так давно история создания пьесы легла в основу французского спектакля «Эдмон» и одноимённого фильма, который для большей интриги вышел в российском прокате под будоражающим названием «Сирано. Успеть до премьеры».

Как пишет поэт и переводчик Александр Карпенко, «пьеса была настолько блистательной, что прототип и персонаж как бы поменялись ролями: теперь уже ростановского Сирано считают настоящим и приписывают ему поступки реально жившего в это время писателя... между реально жившим и творившим человеком и литературным мифом произошла, как говорят шахматисты, короткая рокировка: миф стал на место реального персонажа, а реально живший поэт, наоборот, стал... мифом» [3].

По мнению данного автора, Ростан героизировал и романтизировал реального Сирано, придав его облику более литературные черты. Каким же предстаёт Бержерак на страницах пьесы?

Афиша фильма. «Сирано. Успеть до премьеры»

Но что же делать мне, скажи, мой бедный друг?
Иль подражать тому, что вижу я вокруг,
Забывать об истине, звучащей благородно,
Не смелым быть орлом, но низким червячком,
И пробираться хитростью, ползком
Там, где хотел бы вверх лететь свободно?
О нет! Благодарю! – Дрожать и спину гнуть,
Избрав хоть низменный, зато удобный путь?
Забыв о гордости и об искусстве чистом,
С почтеньем посвящать поэмы финансистам?..
Бояться пропустить какой-нибудь визит,
Обдумывать слова, значение поэмы, жеста,
И наконец зажить, как пошлый паразит,
Добившись тепленького места? –
О нет, благодарю! О нет, благодарю!
Пусть лучше беден я, пускай я буду нищим, –
Довольствуюсь своим убогим я жилищем:
Я в нем не уступлю, поверь, и королю, –
В нем я дышу, живу, пишу, творю, люблю!

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

В этом наиболее цитируемом и наиболее показательном монологе перед нами типичный романтический герой. Он талантлив, беден и принципиален, в конфликте с высшим светом и не желает идти у него на поводу ради сиюминутной славы. По определению поэта и переводчика Михаила Яснова, как персонаж Сирано входит в круг героев Александра Дюма или Теофиля Готье, «писателей, уже сотворивших «свой» семнадцатый век» [4].

Впрочем, есть вполне определённые параллели, так или иначе сближающие реального Бержерака с тем же д'Артаньяном. Как и храбрый гасконец из романов Дюма, в возрасте 18 лет Сирано в одиночку приезжает в Париж из своего поместья, где до этого обучался под надзором наставника, чья недостаточная компетентность (по мнению ученика) и стала причиной отъезда юноши в столицу Франции. Что могло ожидать его там? Вот что пишет поэт, критик и романист Теофиль Готье:

«Что должно было случиться – случилось: Бержерак предался всем увлечениям безрассудной и неугомонной молодёжи того времени... То было время осады балконов, шёлковых лестниц, балетов и маскарадов..., время сонетов и лёгких стихов,.. и метких ударов шпагой... жизнь отдавали не задумываясь. И в таком мире Сирано, этот юноша, только вчера явившийся из Перигора, добился прозвища Неустрашимый... Блестящее начало!» [5].

Упомянутое выше высказывание издателя Лакруа об отнюдь не литературной известности будущего писателя в высшей мере правдиво – Бержерак, в первую очередь, стяжал себе славу дуэлянта. Как и д'Артаньян, он сперва служил в гвардейской роте у того самого капитана Карбона де Кастель Жалу, который также появляется в пьесе. По свидетельствам того времени, он действительно завоевал себе прозвище «демон храбрости», и здесь нет никаких расхождений между прототипом и персонажем. В произведении Ростана есть момент, когда Сирано, узнав, что один высокопоставленный вельможа собирается подослать сотню (!) наёмников

к его приятелю поэту Линьеру из-за сатирического памфлета, встаёт на защиту и сопровождает друга до дома, решаясь вступить в схватку с подосланными убийцами, причём делает это со свойственной жанру романтической патетикой:

*Поглядите! Что за тишь!
Как очарованный, спокойно спит Париж.
Смотрите же, друзья! Для нашей сцены
Какая декорация кругом:
Вот зеркало магическое Сены,
Над ним луна в тумане голубом;
Освещены ее лучами крыши,
Блестят они таинственно; а выше,
Вон там, дрожит зеленая звезда...
За дело же!
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)*

И этот эпизод – не гиперболизация храбрости главного героя. Данный факт действительно «имел место быть», и, как отмечает писатель и библиофил Шарль Нодье, «происшествие получило огласку – о нём упоминается во всех памфлетах тех лет; истинность его ни разу не подвергалась сомнению» [6].

Как у любого романтического персонажа, у Сирано просто должен быть какой-то изъян. В данном случае – это физический недостаток. Ростан наделяет своего героя огромным носом, предметом насмешек и причиной бесчисленных дуэлей, а также главного комплекса. По этому поводу А. Карпенко пишет следующее:

«...его нос – это просто символ психологической неуверенности в себе (на месте носа могла быть какая угодно другая часть тела). Но часто судьба человека – продукт именно патологической психологии: Сирано кажется, что он страдает именно из-за своего носа, но это далеко не так, более того, именно нос делает этого человека знаменитым!... Но нос аккумулирует в себе всю его неуверенность, символизирует все его сомнения. Это – гипербола его платы за счастье...» [3].

Источники расходятся во мнениях относительно портрета реального де Бержерака. Шарль Нодье отмечает, что «Сирано был в те годы весьма недурён собой, если не считать шрамов, которые, впрочем, даже в глазах женщин ничуть не портили

его привлекательного лица. Однако злополучное увечье преисполнило его ненавистью ко всем, кто проявлял чрезмерное внимание к рубцам, исполосовавшим его нос» [6]. Тем не менее, и здесь мы видим, что в его внешности есть нечто, что заставляет героя хвататься за шпагу при первом же упоминании или намёке. Теофиль Готье, напротив, пишет о том самом огромном носе, который наряду со своим обладателем является таким же героем пьесы:

«открыв первый том сочинений Бержерака и увидев гравированный портрет автора, я был так поражён его

Сирано де Бержерак.

Портрет кисти неизвестного автора

гигантским и необычным по форме носом, что остановился на этом предмете дольше, чем он того заслуживает... посередине он являет собой гору, по высоте уступающую разве что Гималаям, а затем устремляется вниз, застилая широкой тенью весь рот, – наподобие хвоста тапира или клюва хищной птицы...» [5].

И это лишь малая часть метафор, к которым прибегает Готье, описывая этот самый нос. Впрочем, вполне вероятно, что таким Сирано воплотил автор иллюстраций к изданию, и этот портрет – лишь его художественное видение.

Почему же нос так важен для Бержерака в пьесе? О какой плате за счастье пишет Карпенко? Что значило бы любое романтическое произведение без любовной линии, и для Сирано как истинного романтического героя это любовь несчастная и безответ-

ная, без надежды на взаимность. Бесстрашный дуэлянт и бретёр оказывается робким и боится признаться в чувствах своей кузине Роксане именно из-за вероятности быть осмеянным и отвергнутым. Мадлена де Робен, получившая своё прозвище за то, что красотой могла тягаться с женой Александра Македонского, – также реально существовавший персонаж. Физическая непривлекательность Сирано делает для него невозможной саму мысль о любви:

Как все уроды,
Гнать должен бы я прочь любовную мечту.
Меня нельзя любить. Но... вот закон природы:
Таков, как видишь, я люблю, конечно, ту,
Кто всех прекраснее!..
Она? Она? Сама весна.
Ее очей глубоких ясность
Несет смертельную опасность.
Сама не ведая того,
Она – природы торжество,
Ловушка дивная природы,
Мой ум лишившая свободы...
Но как я к ней приду, когда мой милый носик
Всегда за полчаса приходит до меня?..
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Ольга Кабо в роли Роксаны

Таким образом, герой оказывается в конфликте не только с обществом, но и с самим собой, что в некоторой степени делает его образ глубже реального прототипа. По некоторым источникам, в действительности Сирано не страдал отсутствием женского внимания, а причиной его смерти стала одна совсем не романтическая болезнь. Но не будем разрушать ореол, созданный Ростаном вокруг имени де Бержерака, и вдаваться в анализ подлинности этого факта.

Основной сюжет пьесы строится вокруг любовного треугольника. Третий центральный персонаж, тоже имевший

реальный прототип, – барон Кристиан де Невиллет, в которого заочно влюблена Роксана и который волею случая оказывается в одном полку с Сирано. Мужской идеал удаётся воплотить, когда в нём сходятся две личности с их главными качествами, – физическая красота Кристиана и красноречие и поэтические таланты Бержерака. Казалось бы, они соперники, но, как ни странно, Сирано сам вызывается помочь и от имени де Невиллета пишет любовные послания Роксане.

*Душою буду я, а ты – ты будешь телом.
Ты должен повторять за мною, как урок,
Все то, чему тебя я научить бы мог.
Да, в предложенье этом смелом.
Есть шанс на выигрыш.*

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Этот шаг главного героя можно трактовать по-разному, чем и занимаются критики, пытаясь определить, чего же в нём больше: подлинного благородства и бескорыстия или же сублимации и попытки реализовать то, что никогда не удалось бы высказать от своего собственного имени. Как бы там ни было, эта сюжетная линия раскрывает нам Сирано-поэта, автора лирических стихотворений. Объясним это его собственными словами: «Как поэт, я был бы рад такому испытанию».

*Что ум – любви? Они несовместимы!
Поверьте, продолжать бы долго не могли мы
Такой изысканной гимнастики ума.
Все эти выдумки – ничто! Любовь сама
Довольно велика, довольно благородна,
Чтоб подкрепления искать у громких фраз!
Поверьте, миг придет, когда сама свободно
Заговорит она и скажет все хоть раз!*

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Такие стихи читает он от имени Кристиана под окном Роксаны. Сравним эти строки с произведением реального Сирано – сонетом, адресованным мадемуазель д'Арпажон:

*Le vol est trop hardi, que mon cœur se propose:
Il veut peindre un soleil par les dieux animé,
Un visage qu'Amour de ses mains a formé,
Où des fleurs du printemps la jeunesse est éclose;*

*Une bouche où respire une haleine de rose
Entre deux arcs flambant d'un corail allumé,
Un balustre de dents en perles transformé
Au-devant d'un palais où la langue repose;*

*Un front où la pudeur tient son chaste séjour,
Dont la table polie est le trône du jour,
Un chef-d'œuvre où s'est peint l'ouvrier admirable.*

*Superbe, tu prétends par-dessus tes efforts:
L'éclat de ce visage est l'éclat adorable
De son âme qui luit au travers de son corps.*

*О сердце дерзкое, тебе взлететь легко ли?
Ты жаждешь описать божественный восход;
Лицо, в которую весну вдохнул Эрот,
Где юность расцвела, как первые левкои;*

*Уста, чей аромат подобен розам, кои
Кораллом пламенным прикрыли нежный грот;
Точёный ряд зубов – жемчужный их черёд
Пред входом во дворец, в манящие покои;*

*Лоб, целомудренной стыдливости приют,
Сей трон блаженных дней, безоблачных минут,
Созданье Мастера, шедевр его всевластный.*

*Нет, сердце, мощь тебе такая не дана!
Свет этого лица – лишь отблеск неугасный
Души, которой вся она озарена.*

(Перевод М. Яснова)

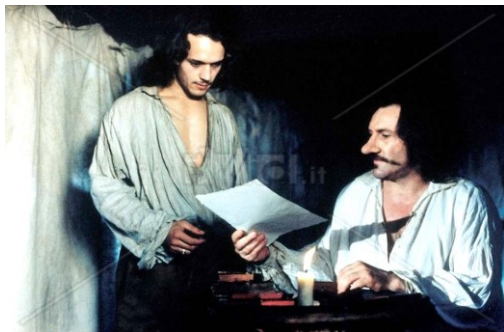
Возможно, стихотворение не лишено некоторой напыщенности, так свойственной жанру, но, по меткому замечанию Шарля Нодье, «у Сирано не было выбора: он жил в эпоху подражания... Главный недостаток де Бержерака, присущий всей его эпохе – это... напыщенность... Этой напыщенностью отличались все наши драматурги... Пусть то был талант беспорядочный, неровный, своенравный, причудливый, дававший множество поводов к порицанию, тем не менее, талант, исполненный чувства и фантазии» [6].

Под «эпохой подражания» автор подразумевает классицизм, жёстко очертивший стилистические рамки и диктовавший свои условия обрисовки персонажей и развития сюжета, – знакомое всем со школьной программы единство времени, места и действия, как правило, рассматриваемое на примере Мольера.

Упоминание одного из главных драматургов эпохи классицизма в контексте разговора о Сирано отнюдь не случайно. В одной из финальных сцен друг де Бержерака Рагно, работающий в театре у Мольера, жалуется:

*Мне хочется уйти давно.
Я возмущен неимоверно:
Вы знаете, у нас поставили «Скапена»
Он сцену взял у вас.*
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

И этот факт тоже не является выдумкой Ростана из желания придать трагичности судьбе своего героя. Довольно подробный разбор заимствований приведён в статье Теофиля Готье, где сцены из «Проделок Скапена» более чем открыто перекликаются со сценами из «Одураченного педанта» за авторством Сирано [5]. Вот только, как это часто бывает, по иронии судьбы в истории литературы осталось имя не того, кто был первым. А ведь де Бержерак действительно является первооткрывателем многих жанров. Его творческое наследие составляют не только типичные классицистические пьесы или любовная лирика. Он оставил после себя сатирические произведения, эпиграммы, памфлеты и мазаринады – как легко догадаться из названия жанра, публицистические произведения, направленные против кардинала Мазарини. Именно Мазарини, а не литературный антагонист Сирано граф де Гиш, был его главным высокопоставленным врагом, и, по одной из версий, именно по его приказу на поэта-бунтаря упала та самая злосчастная балка, что стала причиной его смерти и в книге, и в действительности. По той же самой версии, одним из исполнителей воли кардинала был вполне реальный д'Артаньян, в чьей истории мы находили так много параллелей с историей де Бержерака.

Сирано и Кристиан. Фрагмент фильма 1990 г.

Творческая многогранность Сирано проявляется и в пьесе. Он легко импровизирует, рифмует на ходу. Чего стоит лишь известная и часто цитируемая сцена в театре, когда он сочиняет балладу прямо во время поединка с Вальвером.

*Молитесь, принц! Конец вас ждет.
Ага! У вас дрожат поджилки?
Раз, два — пресек... Три — финта...
Вот! И я попал в конце посылки!*
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

В другой сцене, устраивая свадьбу Роксаны и Кристиана, Бержерак отвлекает де Гиша, рассказывая ему о своём путешествии на Луну. Роман «Иной свет, или Государства и империи Луны», составляющий немаловажную часть творческого наследия Сирано, многие критики справедливо считают предтечей жанра научной фантастики. Его влияние можно проследить и в произведениях Жюль Верна, и в трудах Вольтера, и даже в «Путешествиях Гулливера» Свифта [4]. По мнению Теофиля Готье, не исключено, что и братья Монгольфье почерпнули здесь идею воздушного шара [5].

Говоря языком М. Яснова, «Сирано словно пробовал силы, словно примеривался – и удивительным образом оставил чуть ли не единичные в своём роде образцы каждого из тех литературных жанров, к которым обращался... – афоризмы, сонет, послание, эпитафия, трагедия в стихах, комедия в прозе, «мазаринады», научно-фантастический роман, научный трактат и книга полемических писем» [4].

Это делает судьбу нашего героя (как литературного персонажа, так и его реального прототипа) ещё более трагичной. Сирано раздавал себя по частям – все заимствовали у него идеи, тогда как он сам ушёл неизвестным и одиноким. Как он сам говорит в пьесе:

*Вы помните ту ночь? Вот так – вся жизнь моя.
В тени стоял смиренно, робко я,
Другие же наверх взбирались гордо
За поцелуем славы или любви.*
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Что нам известно о его последних днях? Устроенное его собственными руками счастье Роксаны и Кристиана было недолгим – де Невиллет погибает на войне, после чего его вдова уходит в монастырь. И этому факту тоже есть подтверждения, как и доказательства того, что Бержерак часто навещал свою родственницу и рассказывал ей новости из жизни Парижа. По некоторым данным, они даже сошлись и сочетались узами брака. Однако в произведении Ростана Сирано успевает открыться возлюбленной лишь в свои последние часы, и то по случайности. И вопреки его фразе «мне даже смерть не удалась», даже умирая, он остаётся истинным романтическим героем, погибая со шпагой в руках. Такой финал бесспорно ярче простых сведений о том, что поэт, драматург и философ умер от последствий раны, полученной в битве при Аррасе, или же от упавшей ему на голову балки.

Обнажив шпагу, де Бержерак сражается с воображаемыми противниками, которые, по сути, являются воплощением всех людских пороков. Это Ложь, Подлость, Зависть, Лицемерье, Глупость. Кто-то склонен видеть в этой сцене предсмертное помутнение рассудка – по крайней мере, именно так это выглядит во французской экранизации в воплощении Депардьё. Нам же ближе отечественная сценическая трактовка – например, в исполнении А. Домогарова Сирано предстаёт воином, который не сдаётся вплоть до самого конца («Шпагу наголо! Я в кресле не останусь!»). Его враги в данном случае – это олицетворение всего того, что мешает творческому человеку. Они, к сожалению, вечны, и в этом одновременно и трагизм, и героизм ситуации. «Но на врага идти, когда в руках успех, – Достоинно труса лишь» [1]. В оригинале он произносит фразу, которая, увы, осталась незамеченной в классических переводах В. Соловьёва и Т. Щепкиной-Куперник – «с'est bien plus beau lorsque с'est inutile», что можно перевести как «это тем лучше, чем бесполезнее».

И в жизни, и в смерти Сирано де Бержерак был классическим персонажем ро-

мантизма. В реальности его творческая судьба чем-то схожа с историей Кристофера Марло, ведь если бы не удар ножом, вполне возможно, что отнюдь не Шекспир был бы сейчас самым почитаемым литератором эпохи Возрождения.

По этому поводу Шарль Нодье пишет следующее:

«Проживи Бержерак еще пятнадцать лет, зрелые размышления прибавили бы ему вкуса и он сделался бы одним из замечательнейших писателей своего века... Он умер от горя, от нищеты, а может быть, и от голода в том возрасте, когда гений ещё только начинает в полной мере осознавать свои силы и постигать высоты, до которых ему дано подняться на крыльях вдохновения. Стоит ли вступать на стезю сочинительства, если, к несчастью, поступки твои не согласуются с требованиями света, а душа свободна и неспособна к низкопоклонству? Какая холера понесла его на эту галерею?» [6].

В последнем предложении автор цитирует строчки одного из финальных монологов литературного Сирано:

*...зачем явился он на свет?
Зачем попал на эту он галерею?
Зачем всю жизнь любил свою химеру?
Зачем он был поэт?*

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Высказывание Нодье лишь подтверждает тот образ, который был создан Ростаном в пьесе. Как мы видим, за исключением обстоятельств смерти, история месье де Бержерака была не так уж сильно гиперболизирована или изменена в угоду законам жанра. Напротив, как мы уже отмечали, пьеса о поэте-дуэлянте принесла славу и автору, и главному герою. На этой новой волне интереса к Сирано стали издаваться его собственные произведения. Пользуясь терминологией Михаила Яснова, «трубы романтизма... пробудили его от вечного сна» [4].

Автор ряда сатир и памфлетов, он и сам становился объектом литературных насмешек. Существует сочинение анонимного автора «Сражение Сирано де Бержерака с обезьяной кукольника Бриоше на

Новом мосту», где наш герой выведен чуть ли не безумцем. В данном случае очень точно выразился Теофиль Готье:

«Подумайте о превратности людских судеб: ну какой прок быть талантливым человеком? Ведь если талантом называют первооткрывателя, самобытного по сути и по форме, то никто на свете не имеет больших прав на это звание, чем Сирано де Бержерак, а меж тем на него смотрят, всего лишь как на занятого и затейливого сумасброда» [5].

Необходимо отметить, что его фигура была увековечена не только в насмешливых памфлетах и пьесе Ростана. В 1970 году Международный астрономический союз присвоил имя Сирано кратеру в южном полушарии обратной стороны Луны. Таким образом, «учёный след» де Бержерака очень ясно и чётко проступил в звёздном небе, став напоминанием о его астрономических открытиях в «Государствах и империях Луны», намного опередивших своё время. Это и «многоступенчатые ракеты и явления невесомости, закон тяготения и передача мыслей на расстоянии, звукозапись и предположение о существовании микробов...» [4].

«Луна – такой же мир, как наш, причём наш служит для него луною... Быть может, сейчас так же вот смеются на Луне над кем-нибудь, кто утверждает, что наш шар – целый мир» [7]. Со свойственной ему образностью в своём произведении Сирано доказывает вращение Земли вокруг Солнца, а не наоборот: «Земля, нуждаясь в свете и тепле..., вращается вокруг него, чтобы всеми своими частями... воспринимать начало, поддерживающее в ней жизнь... Ибо предполагать, что

Кратер Сирано

огромное раскалённое светило вертится вокруг точки, до которой ему нет решительно никакого дела, столь же нелепо, как при виде зажаренного жаворонка думать, что его приготовили, вращая вокруг него плиту...». Здесь же приводится мысль и о бесконечности Вселенной, и о возможности жизни на других планетах.

Произведение де Бержерака – это и своего рода утопия, в нём переплетаются гротеск и фантазмагория, в иных мирах стихи оцениваются не по весу, а по остроумию, «если кто и умирает с голоду, так только тупица; все же люди остроумные живут припеваючи» [7].

«На Земле люди двуноги, так пусть на Луне они ходят на четвереньках; ...исход войн определяется не на поле боя, а в учёных диспутах ...на Земле люди живут в тенетах религии, а лунные обитатели – неверующие по природе» [9].

Приведённых цитат вполне достаточно, чтобы признать прогрессивность взглядов и идей Сирано. Ведь не зря его друг, поэт, драматург и историк Жан Леруайе де Прад написал о бесстрашном воине и неутомимом первооткрывателе такой сонет:

*Преград не перечеть – но, отдавая дань им,
Ты смертным мир иной поведал, не тая:
Ты всех завоевал, всех напоил дыханьем
Великого пути в небесные края.*

Библиографический список

1. Ростан Э. Сирано де Бержерак: Комедия / пер. с франц. Т. Щепкиной-Куперник. – СПб.: «Лицей» – 1992. – 351 с.
2. Ростан Э. Сирано де Бержерак: Героич. комедия в 5 действ. / пер. В. Соловьева. – М.: Искусство, 1961. – 108 с.
3. Карпенко А.Н. Судьба человека и миф о Сирано. [Электронный ресурс] URL: <https://www.proza.ru/2009/03/05/104> (дата обращения: 27.03.2019).
4. Яснов М.Д. Все его знают, но никто его не читал // Бержерак С. де. Государства и Империи Луны: Роман, стихотворения, письма / пер. с фр. М. Яснова, Е. Гунста. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.
5. Готье Т. Сирано де Бержерак // Бержерак С. де. Государства и Империи Луны: Роман, стихотворения, письма / пер. с фр. М. Яснова, Е. Гунста. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.

6. *Нодье Ш.* Сирано де Бержерак // Бержерак С. де. Государства и Империи Луны: Роман, стихотворения, письма / пер. с фр. *М. Яснова, Е. Гунста.* – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.
7. *Бержерак С. де.* Государства и Империи Луны: Роман, стихотворения, письма / пер. с фр. *М. Яснова, Е. Гунста.* – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/02journal_80/330.htm (дата обращения: 19.05.2019).
9. *Воробьев Л.* Утопии и действительность // Утопический роман XVI-XVII веков. – М., 1971. – С. 29.

TWO LIVES OF CYRANO DE BERGERAC: FOR THE 400th ANNIVERSARY

A.L. Kozyrev

Perm Federal Research Center UB RAS

The article describes Cyrano de Bergerac, a French poet and playwright, both as a real man and a literary character comparing the facts of his life and the plot of Edmond Rostand's play. It also estimates his contribution to literature and science.

Keywords: Cyrano de Bergerac, Edmond Rostand, prototype, literary character, Classicism.

Сведения об авторе

Козырев Александр Леонидович, преподаватель кафедры иностранных языков и философии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: poet-ak@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.05.2019 г.